

Аннелиза Аллева

ПЕЙЗАЖ В ПЛЕНУ

ОТ РЕДАКТОРА

Мы познакомились с Аннелизой Аллева несколько лет назад в Грузии, на поэтическом фестивале — но тогдашнее знакомство из-за фестивальной суеты почти не осталось в памяти. Не запомнилось.

Через некоторое время, будучи в Риме, я зашел в один из книжных магазинов «Фельтринелли» — и увидел на полке книгу «Poeti russi oggi» («Русские поэты сегодня»). Имя составителя и переводчика показалось мне знакомым, и я вспомнил встречу на берегу Черного моря. Чуть позже я выяснил, что Аннелиза переводит не только современную русскую поэзию (кстати, эта антология была отмечена премией *Lericipea-2009* в Москве), но и современную русскую прозу. Удивительно, но в ее исполнении на итальянском вышла еще и вся проза Пушкина (не говоря об «Анне Карениной»).

Этим летом мы снова встретились — теперь уже запланированно, в Риме. На ступеньках помпезного дворца Правосудия, где Орсон Уэллс снимал свой знаменитый «Процесс», кстати. И провели вечер за разговорами, гуляя по тихим римским закоулкам.

В Москве меня ждала рукопись ее стихов на русском, которые — так совпало — своими путями попали в отдел поэзии нашего журнала. Я ненавижу предисловия, но, прочитав переводы, решил написать короткое. Мне показалось важным проговорить вот что. Что в этих стихах сошлись вещи, которые редко встречаются в исполнении одного поэта. Внутри одной поэтики. Перед вами исключительно европейские, стандартные по форме стихи — на первый взгляд. Внутри которых, однако, живет не свойственное евростихам отношение к себе и миру — при ближайшем рассмотрении.

Европейские стихи интеллектуальны и сдержанны, рациональны. А тут автор, наоборот, уязвим — и эту уязвимость не скры-

вает, не боится показывать. Шлюзы открыты, корабль идет на дно — и читатель это видит. Стихи собраны из европейской оптики — да. Но то, что мы читаем сквозь эти цейссовские линзы, является отличительной чертой другой поэзии, совсем другой. Надо ли говорить, что эта — другая — поэзия есть поэзия наша, русская? С которой у Аллева свое, внутреннее родство? связь?

Странный симбиоз, если вдуматься. Редкий.

И последнее — автору чрезвычайно повезло с переводчиками. Точнее, с поэтами, которые взялись за это дело. То, что вы прочитаете, является прежде всего русскими стихами — а уж потом переводами. Та уязвимость, экзистенциальная незащитность — которые лежат в основе этих стихов (и делают их русскими — хотя и в европейской упаковке), — так вот, эти вещи обычными переводчиками, как правило, не улавливаются. А если и улавливаются, то бывают не слишком органично выражены. Другое дело — взявшийся за перевод поэт. Он может наломать кучу дров, насажать ляпов — да. Но. Эти вещи он не упустит никогда, уж поверьте.

А для всего остального существуют редакторы.

Глеб ШУЛЬПЯКОВ

КТО ВХОДИТ В ЭТУ ДВЕРЬ

Не я эта одинокая девушка
(ей велик ее траур).

Не я эта вдова
(настоящее, забытое в прошлом).

Не мои линзы, темные туфли, запястья,
уши без серег.

Не я заправляла эту землю — как одеяло,
взбивала — как подушку.

Не меня окружили стеной
высокие кипарисы.

Не я. Это она впереди кортежа,
наследница горя.

Это она в молитве преклоняет колени.

Это она плачет. Утешьте ее.
Следуют другие.
Улыбка луны из-под спущенной занавески волос.
Ты качаешься в их глазах
лукавым эмалевым медальоном. Они владели тобой,
не владея. Ты у них был и не был.
Они были как города, где задерживаются на день-другой.
Ты не отнимал у них жизни,
разве что немного смерти у них отнял.

Теперь я смотрю на тебя без ненависти, без страсти,
без страха, без надежды.
Вижу тебя, каким ты был, ничего не прикрывая.
Вижу тебя, каким тебя уже нет.
Вижу расколдованным взглядом,
как вскапывают землю и как она
возвращается на место, порыжев.

Как тут плакать о тебе,
если ты был облаком, паром?
Появлялся, исчезал,
делалось темнее, светлее,
занавешивал собой солнце.
В беге ты подражал своему концу.
Твоя тень ускользала —
и я плакала.
Но, выйдя из благородного возраста самотерзаний,
можно ли плакать об облаке?
Земля суха, как ресницы.
Ты был облаком, но дождь не шел.
Вот хоронят любовь. Из чего она сделана? Из слов.

Ничего не понимая, как любая невеста,
белая, легкая, ты шла,
не оставляя следов, сметаемых шлейфом.
Поднимаясь по ступеням церкви,
ты шагала по нашему общему
женскому телу.

Твое ровное восхождение — это были мы.
Чтобы не оборачиваться,
ты несла свое будущее за головой.
Он скрепил тебе волосы шпилькой.
Сегодня, вдова, донашиваешь наш траур,
ты просто последняя, кому он в обновку.

Девушка, которая страдает, мой двойник.
У нее светлые волосы, легкий загар.
Из ностальгии вылеплены черты ее лица.
Наши судьбы только касались друг друга.
Так пчела касается цветка на лету,
так коснулось меня сегодня ее горе.

Ты узнаёшь меня, но я-то другая.
Ты — шахматная королева, ты — Мария.
Он — сын и отец, он, большой,
лежит у тебя на коленях.
Или ты на коленях, в ожидании Благовещения,
меня узнаёшь, потому что ты — та же.

Пока я тебя любила, сколько раз у меня было искушение
столкнуть тебя с крутой лестницы или в темный канал.
Как я молилась по ночам о справедливости:
«Господи, даруй жизнь только достойному жизни!»
Постепенно кошмары сменились нежными снами.
Из болезненного ожога ты стал мазью.
Вот я и пою, чтоб спасти тебя от забвения.

Перед тысячным прощанием,
последним аэропортом, оскверненной постелью, стеклом
я открываю тайну, которой ты мне не открыл.
Ты уходишь, я остаюсь, вот и хорошо.
Когда горюешь, внутри холодно, горе,
так или иначе, переносимо — вот правда, которую ты знал:
уголь становится пеплом, и его можно потрогать.

Сколько же потребовалось хворосту, дутья на огонь,
едкого дыма,
чтобы понять твою правду:
жизнь была — не знание о жизни, я была — жизнь.

Твои мысли мелькали, как моль,
которая прогрызает занавеску,
чтобы золотисто исчезнуть.
Ты пытался придать им форму,
обметать дыры,
залатать пустоту криком.
В последние дни твои ты уходил
от живых и от мертвых.

Подруга кладет на могилу розу.
Незнакомка крадет горсть земли.
Все гуськом направляются в церковь,
рассаживаются ровными рядами,
как половицы в замолчавшем доме.

Кто входит в эту дверь,
отделен от земли,
как цветы в его руках.
Здесь покоится человек без земли.

Остров цвета
дряхлого железа,
мелких веснушек.
Привкус крови во рту.

Захочется пить — придет прилив.
Теплый ветер высушит пот.
Погаснет солнце.
Но листва будет все еще шелестеть.

Мягкие шишки кипарисов
падают на надгробье,

как поцелуи. Сидят птицы на кресте,
да и мы уже будем не те.

Вот пишу, и уходит
каменное горе.
А я его провоцирую,
хожу вокруг да около, злюсь.
А оно царапается, гадина.
Чернила текут, чернея,
или карандаш — пока
витийствует, мозолит руку,
стачивает грифель.

1997

Перевод с итальянского Льва ЛОСЕВА.

●

Будь водоворотом на реке, излучиной или каналом,
будь сумерками, загнутым уголком страницы,
трещиной, морщиной, мрамором девичьей шеи,
будь облизываемой лапой, блеском
чешуи, когтем, ногтем, клювом, поскрипыванием досок
на подвесном мосту, милостыней, поданной старику,
катанием на коньках, молитвой хором.
Будь фарфоровым зайцем, семейным домом
у моря, нераскрывшимся бутонem, или сухой гортензией.
Будь шеренгой фонарей вдоль аллеи, мимолетным
отражением, профилем портала. Будь кофейником,
кувшином, пением мальчишки из пекарни или элегией.
Будь военным маршем, закуской в баре,
будь Рождеством, шепотом, криком, аплодисментами,
бранью.
Будь повсюду, в каждой детали, но в них не зверствуй.
Не делай надсадным кашель, не мешай
кровь с дождем. Пусть все остается, как есть.

Перевод с итальянского Олега ДОЗМОРОВА.

ИРЛАНДСКИЕ СТИХИ

Единственная звезда на небе.
Проткнуть этот пейзаж
и вдеть в него шнурок из кожи.
Оправить это деревянное сердце —
в сердце свое.

Океан пахнет хлебом.
Волосы пахнут водорослями.
Отлив крадет тела
и возвращает каркасы.
Белые карнавальные морды
с биноклем из раковин.
Песок гримирует кости.
Ветер закрывает кулисы.

Здесь океан
женился бы на континенте.
Ворон на чайке.
Облака на коровьем навозе.
Колочая проволока на звездах.
Но крапива — противится.

Море дырявит ракушку,
как солнце — небо.
Ночь полирует вельветом
луны.

Прежде чем лечь под солнцем,
мы белим лицо.
Так перед крестным ходом
белят фасады.
Стекла исповедуются.

Океан облизывает скалы.
Волна отступает к волне,
след на след,
шерсть на шерсть, блеск на отблеск.

Плеск океана.
Вырванные водяные стебли.

Небо движется — и остается.
Все я перевожу, кроме имени своего.

Столбы держатся за руки.
Сорока стоит у дымовой трубы.
Летит небо.

Каждый куст
ставит свою подпись
на пустоте.

Облако черпает с бетона чернила,
а ему отдает свое серебро.

Нераскрывающееся солнце
держит пейзаж в плену,
корову — в неподвижности трапезы.
Фрукт — неотрывным от зелени.

Автoperевод с итальянского.

●
У меня в душе — радиола на всю катушку.
Я кружу по городу, звуковую дорожку песен
за собой оставляя. Одну сменяет другая.
Если какая не нравится, нервно переключаю,
пока не найду такую, что мне подходит.
В глубине туннеля звучание тише, глуше.
Не знаю, когда я стою на красном у перехода,
слышны ль отголоски сидящим в соседних машинах?
Моя же — плотно с обеих сторон закрыта.
Так ищу я убежища в объятиях друга,
в зрелых его летах, в познаниях многих,
в мудрости, в медленной, но твердой его походке.

— [НО] —

Прижимаясь крепко к нему, в теплоте утопая,
становлюсь растерянной, целому миру чуждой,
жаждущей надежного покровительства и опеки,
беззащитной, и неустойчивой, и уязвимой.
Сливаемся мы в ночи, во всем так похожи,
безразличны к шумам, переполнены музыкой громкой.

Перевод с итальянского Максима АМЕЛИНА.